

Политика и мир

УДК 327

О. С. Волощук

Культурно-символические основания поляризации «Свои-Чужие» в информационном пространстве

Аннотация:

В статье рассматриваются теоретические основы постмодернизма и метамодернизма, потенциально применимые по отношению к политическим исследованиям. Описывается характер перехода от одной методологии к другой. Раскрыто понимание структуры и модели «Свои-Чужие» в рамках формирования потенциально новой методологии и ее имплементация для конкретного кейса – конфликтогенность Ближнего Востока. Делается вывод, что моделирование региональной системы сводится к концептуализации теоретических понятий, культурно-символических структур и методологии, которые предоставят возможность признавать или отрицать intersubjective пространство в очерченных исследователем рамках с опорой на официальную информацию, представленную в СМИ.

Ключевые слова: постмодернизм, метамодернизм, субъектность, intersubjectивность, Ближний Восток

Об авторе: Волощук Ольга Сергеевна, МГУ им. М. В. Ломоносова, магистрант кафедры информационного обеспечения государственных интересов факультета мировой политики; эл. почта: olgavoloshchuk7@gmail.com

Вопрос эффективности межкультурного взаимодействия, исключаящего потенциальные конфликты, во многом зависит от усиления intersubjectивности международных отношений, т.е. объективного признания существования других акторов вне зависимости от личностных или внутригосударственных установок. Главное: действия, осознание и интерпретация этих установок должны быть построены в общей логике смысло- и целеполагания. Политика мультикультурализма как способ преодоления такого конфликта обеспечивает понимание проблемы взаимодействия в нынешних реалиях лишь на одном метауровне: признание равноправия по отношению к мигрантским сообществам.

В силу этого политика мультикультурализма обостряет интерес субъективности международных отношений. На социокультурном уровне в силу этого формируется широкий спектр дискурса, в котором ключевое понятие занимает «Другой». На протяжении 20 в. предпринимались попытки концептуализировать термин «Другой» такими мыслителями как М. Хайдеггер [18], Ж.-П. Сартр [16], К. Г. Юнг [19], М. М. Бахтин [1], Х.-Г. Гадамер [3], Ж. Лакан [9;10], Э. Левинас [25], П. Рикер [15].

Цель статьи – обобщить теоретико-методологические основания постмодернизма и метамодернизма по отношению к культурно-символическим формам на примере Ближнего Востока.

Предмет исследования – культурно-символические явления, определяющие поляризацию «Свои-Чужие» на Ближнем Востоке.

Базовый тезис исследования выражается в том, ближневосточный регион после событий Арабской весны вынужден решить определенную онтологическую дилемму. При сформировавшейся дисперсии сил остается непонятно, что первично для данной региональной системы: новая этическая парадигма сосуществования или конкретные действия акторов региона, которые бы эту этическую систему оформили. Решение этого вопроса могло бы послужить основой нового интерес субъективного поля региональных отношений. Первым шагом для поиска ответа является моделирование ближневосточного дискурса с использованием категорий «Свой» и «Чужой». Создание модели начинается с оконтуривания теоретико-методологической базы, на основе которой происходит осмысление информационного поля Ближнего Востока.

От постмодерна к метамодерну

Хаотический и не оформленный в единую систему взглядов постмодернизм в 21 в. вытесняется новой парадигмой метамодерна [23; 6-9]. Смена этих парадигм предполагает иное восприятие культурно-символических основ. Происходит это за счет того, что метамодернизм стремится не к критике предшествующих подходов миропонимания, а к совершенно новому, целостному переживанию мира.

Классическое представление о метамодернизме сложилось благодаря работам Вермюлена и ван ден Аккера, которые представили «зарождающуюся структуру чувства» как базовый элемент в открытии новых смысловых категорий в маятниковой системе метамодернизма [27-29]. Подобное чувство призвано создать не фундамент философии, а концептуализировать восприятие как таковое. О том, что метамодернизм – это постоянные колебания смыслов говорит в своем манифесте и Л. Тернер [26]. Метамодернистская

методология подводит к тому, что предшествующая структуралистская позиция «или ... - или ...», которая подвергалась мощной критической волне постмодерна, в новых условиях не исчезает окончательно, но трансформируется в модель «и ... - и...» [4, с. 333]. При этом бинарность непременно существует в системе маятника и постоянной смены смыслов.

Развивая новый подход к миропониманию, формируются и более узконаправленные концепции, например, альтермодерна. Представлено это ответвление метамодернизма французским теоретиком искусства Н. Буррио. Он предлагает другой, не менее интересный концепт – «архипелаг коллективных реакций» [23, с. 184-185]. Это подразумевает не просто отсутствие объективного глобального ответа, но то, что метамодернистская методология все теснее может быть связана не только с пониманием современной культуры или современного искусства. Формулы, которые предлагаются теоретиками нового концептуального подхода, потенциально могут быть перенесены в социально-политическую плоскость. Например, альтермодерн – это одна из вариаций альтерглобализма [22; 23].

Столкнувшись с несостоятельностью «конца истории» Ф. Фукуямы, политические исследования продолжают развивать новые подходы в соответствии с актуализацией тех или иных аспектов мировой, региональной или национальных политик. Наиболее точно нынешнее состояние политического пространства было дано американским последователем акселерационизма Н. Лэндом, по утверждениям которого в мире двадцать первого века процесс принятия решений носит импловзивный характер, в то время как мир сам по себе эксплозивен [24]. Новая теоретико-методологическая база в таком ключе может и должна опираться не столько на пространственные аспекты, сколько больше выделять понятие «времени» как новый базовый фактор политических исследований. Несмотря на философский, эфемерный характер самого понятия «время», человечество в условиях глобальной детерриторизации (термин, который акселерационисты заимствуют у постмодернистов Делеза и Гваттари) приходит к тому, что Н. Лэнд обобщает следующим образом: «Ни одна современная дилемма не рассматривается реалистично до тех пор, пока не будет также признано, что возможность для этого быстро рушится» [24].

Подобное интеллектуальное обновление ставит ряд вопросов, которые в дальнейшем должны подвергнуться исследованию как на философском уровне, так и на уровне социо-гуманитарных наук. Среди них:

1. Какие элементы постмодернизма остаются актуальными при формировании новой метамодернистской методологии?

2. Как это переосмысление применимо по отношению к международным или региональным политическим исследованиям?

3. Можно ли в рамках метамодерна сформировать модель поведения акторов в пределах одной региональной системы?

Переосмысление бинарных оппозиций

Возвращаясь к ближневосточной ситуации, которая была сформирована после событий Арабской весны, основные конфликты в условиях тотальной дисперсии сил так или иначе делятся на двусторонние бинарные оппозиционные отношения: Израиль-арабские государства, сунниты-шииты, Запад-Восток. Центральным конфликтом, несомненно, при этом остается арабо-израильский или его частное представление в виде палестино-израильского противостояния.

Говоря о чистом восприятии ситуации в контексте теории международных отношений, ведущий специалист в исследованиях арабо-израильского конфликта А. Д. Эпштейн утверждал, что подписание Кэмп-Дэвидских соглашений еще в 1972 г. создало атмосферу билатеральности [20]. В связи с этим анализ отношений между Израилем и конкретной арабской стороной может оставаться более актуальным и сейчас, чем общий нарратив Израиль-арабский мир, который лишь создает форму сосуществования стран в пределах Ближневосточного пространства на основе культурно-символической дихотомии. Но в любом случае базовое переосмысление касается отношения к бинарным оппозициям как неким структурам, которые задают дальнейший ход повествования как минимум в пределах конфликтогенной обстановки.

Значительный вклад в восприятие бинарности был внесен в период постмодерна Ж. Дерридой. Несмотря на отказ постструктуралистов от бинарности как формулы, которая что-либо могла бы дать в прояснении реальности, полностью вычеркнуть этот аспект из мысленных конструкторов не получается.

В своей работе «О грамматологии» Ж. Деррида показательно пишет: «В ней [системе] можно говорить о чем угодно: о добре или зле, о мире или войне – каждый раз это будет столь же истинно, сколь и ложно, и всегда неуместно. Руссо обнажает здесь как раз нейтральное начало этико-политической системы понятий, ее поля объективности, ее аксиологии. Стало быть, нужно нейтрализовать все те оппозиции, которые избороздили классическую философию истории, культуры и общества. А пока – до этой нейтрализации и этой редукции – политическая философия вынуждена опираться на весьма наивные очевидности, приобретенные или стихийно возникшие. Она постоянно рискует «повторить

ошибку тех, кто рассуждал о естественном состоянии, перенося в это рассуждение мысли, относящиеся к обществу...» («Второе рассуждение», с. 146)» [6, с. 350].

Деррида избавляется от пережитков структуралистского подхода, где для него бинарная оппозиция – это не просто ложная основа дальнейшего повествования, но и сама по себе банальность. Делается это в пользу полиморфного, калейдоскопического размывания смыслов. Однако сам процесс деконструкции, используемый Дерридой в целях уничтожения бинарного как такового, при его переносе в контекст методологического поля (при том, что Деррида деконструкцию не считал ни методом, ни процессом, ни вообще ничем [7]) сам по себе невозможен без наличия оппозиционных отношений как изначальной формы. А наше восприятие деконструкции так или иначе будет подразумевать собственную интерпретацию понятия «деконструкция», которая не может не выражаться в формуле «S есть P». Отказ от такой формулы подразумевал бы лишь собственный непередаваемый и неотчуждаемый субъективный опыт. Сам Ж. Деррида называл деконструкцию «даром» [7].

Однако вторжение другого субъекта в понимание сути деконструкции лишает его статуса «дара», «всего и ничего» и позволяет ввести в поле методологии и интерпретации при условии, что мы не входим в пространство деконструкции с метафизическими намерениями – из состояния неподлинного прийти к состоянию подлинному благодаря этому «дару». В таком случае любая оппозиция – это не банальность, а так или иначе изначальное условие, необходимое и аксиоматическое, но не определяющее суть реальности, в которой эта форма обнаруживается, и даже ее не описывающее.

Согласно С. Данею «всякая форма – это лицо, которое на нас смотрит» [2, с. 23]. Э. Левинас подводит к тому, что интересубъективные отношения выстраиваются на ответственности, так как «лицо есть то, что приказывает мне служить другому, запрещает убивать» [25, с. 93], т.е. вторгаться в пределы иной субъективности. Н. Буррио продолжает данный тезис, называя форму лишь оболочкой в противовес некоему содержанию [2, с. 23]. Таким образом, любая полученная форма (при сравнении со смотрящим лицом) подразумевает изначальное образование встречи с «Другим» и дальнейшие условия обмена на основе ответственности, которая не может не подразумевать принятия субъектности того, с кем этот обмен производится в рамках бинарных или билатеральных отношений.

Бинарность как базовая форма или априорная конструкция, заданная в нашем аппарате мышления, в силу необходимой аксиоматики для дальнейших деконструкций или иных мыслительных манипуляций предполагает инаковость или «Другого», что должно

происходить из формулы идентификации. К. Г. Юнг обобщил идентификацию и необходимость «Другого» в этом процессе в следующем размышлении: «Однако познать самого себя необходимо – только так ты можешь узнать, кто ты есть на самом деле. За узкой дверью человек неожиданно обнаруживает безграничные просторы, полные неопределенности. Там нет внутреннего и внешнего, верха и низа, здесь или там, моего и твоего, нет плохого и хорошего. Это мир вод, где свободно течет жизнь, где начинается царство симпатической системы, души всего живого, где я есть нераздельно и то, и это, где я переживаю другого во мне, а этот другой переживает меня в себе» [19, с. 42]. Переживание «Другого», влияние на собственное восприятие себя и столкновение двух идентичностей напоминает процесс отзеркаливания себя же. Смотри в зеркало, мы вкладываем в отражение все, что нас составляет. В это же время отражение возвращается к нам обратно в процессе его восприятия, что вновь создает нас же самих. Символ зеркала использовался для большего понимания процесса формирования своей идентичности и в художественных философских произведениях, таких как «Тошнота» Ж.-П. Сартра [17, с. 34-35], и в произведениях с серьезной претензией на научность – семинары Ж. Лакана с его теорией стадии зеркала [9; 10]. Изначально Лакан относит эту стадию к важности становления идентичности у ребенка, делая акцент на символическом значении стадии зеркала и отмечая, что субъективная идентичность – это в своей основе дискурс. Лакан пишет: «Ликующее приятие своего зеркального образа существом, еще погруженным в моторное бессилие и зависимость от питания, каковым на этой стадии инфанс является младенец, отныне в образцовой ситуации проявит, на наш взгляд, ту символическую матрицу, в которой я оседает в первоначальной форме, прежде чем объективизироваться в диалектике идентификации с другим, и прежде чем язык всесторонне не воссоздаст ему функцию субъекта» [10].

Вывод о том, что парное противопоставление – это априорная структура, делает и К. Лоренц: «Разделение мира явлений на пары противоположностей есть врожденный принцип упорядочения, априорный принудительный стереотип мышления, изначально свойственный человеку» [14, с. 402]. Таким образом, имплозия будет характерной чертой не только процесса принятия решений, как у Н. Лэнда, но само по себе знание как таковое всегда подвергается имплозии, взрыву, направленному самому на себя. Это может служить убедительным доказательством, что если форма «и ...- и ...» всегда будет в системе маятника, то оппозиция «Свой-Чужой» (одно из представлений при нашей собственной идентификации и рефлексии) подвергается градации, а не простой констатации как

крайностей в процессе этой самой идентификации. Подобная градация преломляется в виде «Другого», у которого базовое отличие от «Чужого» лежит в сфере принятия субъективности, отличной от моей собственной.

Культурно-символическая база в информационном пространстве

В работе «Тысячеликий герой» Дж. Кэмпбелл, обобщая представление о мономифе и культурных символах, в конце приходит к выводу, что потенциально новый символ – сам человек [8, с. 471]. В духе метамодерна и отхода от критической парадигмы предшествующего постмодерна человек как индивидуальная единица формирует собственный миф о самом себе, где главный творец он сам же. Стоит отметить, что и подобный пересмотр символических оснований происходит в удивительный период формирования клипового мышления и клиповой культуры, которая основывается на постоянно сменяющихся друг друга образах, смыслах и символах. При этом социальные институты, основанные на культурных предпосылках и системе ценностей, не заложены в природе, а отдельно взятая система социальных институтов никогда не представлена как единственно возможная [11, с. 56-57]. Это вновь должно отсылать нас к ответственности перед встречей с другим субъектом.

Обусловленность использования новых символов может быть связана с представлениями все еще постмодерна об отказе от метанарративов, о чем писал Ж.-Ф. Лиотар [12; 13]. Таким образом, в духе Лиотара должна происходить смена восприятия и переживаний культурно-символических форм в силу распада большого метанарратива на локальные истории. Одна из вариаций метамодернизма в виде альтермодерна представляет это в виде «архипелага локальных реакций». Метамодернизм, будучи уже не критической парадигмой, возвращается к великим нарративам для их нового интеллектуального переосмысления. Т. Вермюлен говорит по этому поводу следующее: «Метамодернистское поколение колеблется между постмодернистским сомнением и современным стремлением к смыслу: к значениям, к направлению. Великие повествования столь же необходимы, сколь и проблематичны, надежда – это не просто то, чему можно не доверять, любовь – не обязательно то, над чем можно смеяться» [28].

Возникает ряд вопросов. Отказываются ли те или иные акторы политического пространства от метанарратива? По каким критериям мы определяем метанарративы и их важность для современных обществ, если при этом используем подход, в котором любые крайние точки существуют как максимумы для вечного подвижного маятника? Можно ли формировать единую систему с учетом и одновременным отказом от тотального характера

метанарратива. При этом, если согласиться, что мировое сообщество в целом движется, если и не к отказу от метанарратива, а как минимум к его переосмыслению, то культурно-символические формы подвергаются иному переживанию, будучи изначально фактором персональной идентификации «Я-Мы» и его преломления в виде «Я-Свой-Другой-Чужой».

Переходя к практической части исследования, введем тезис о том, что Иран, Израиль и Саудовская Аравия – страны, которые как раз-таки продолжают использовать метанарративы (Исламская революция, сионизм, образы Мекки и Медины как центров ислама). Информационный характер современного общества не оставляет сомнений, что трансляция вытекающих смыслов осуществляется благодаря информационному пространству, представленному в основном СМИ. Данный тезис находит свое воплощение на основании того факта, что именно эти государства образуют борьбу за доминирование и влияние в регионе либо в политическом, либо в экономическом аспекте. Взаимоотношения Саудовской Аравии и Ирана в целом можно охарактеризовать как «Холодная ближневосточная война». Другие же акторы Ближнего Востока попадают в «архипелаг локальных реакций», где принципиально важны билатеральные связи или двусторонние конфликты, каждый из которых образует определенное влияние на целостную систему региона.

Здесь же стоит выделить два уровня репрезентации существующих метанарративов:

1. Региональный уровень. Информация распространяется на языке говорящего большинства. Целевая аудитория определяется национальными, культурными и языковыми рамками.

2. Международный уровень. Характеризуется доступностью и моментальным переводом информации на различные языки. Целевая аудитория размывается. Появляется феномен «ложного распознавания». Наиболее активно этот кейс рассматривали исследователи Р. Адлер-Ниссен и А. Циновой [21]. Заимствуя ряд положений Ж. Лакана, результат исследования показывает, что с точки зрения теоретико-методологического анализа ложное представление о субъекте возникает по причине разрыва между национальной самоидентификацией и образом, создаваемым «Другими» [21]. Таким образом, нарушение регионального интерсубъективного пространства будет происходить со стороны внешней среды.

Точка преломления в отношениях «Свой-Чужие» – это постепенный отказ от метанарратива или сужение его как такового в государственной саморефлексии. Тогда появляется полиморфный контекст, задающий пространство идентификации. Отсюда

градация «Свой-Чужие». Важным выводом должен послужить факт, что нет никаких трендов или мегатрендов, которые бы обуславливали региональные или международные отношения.

Конфликт в духе конструктивизма остается в поле столкновения идентификаций при формировании «реальности для субъекта». Общий контекст региональных отношений выстраивается за счет формирования или стремления к такому формированию интересубъективного поля отношений. Ключевая точка такого поля – принятие субъективности. Таким образом, например, Палестина и Израиль с разных сторон конфликта получают ограничения или претензии на ограничения субъектности, что мешает полноценному региональному сосуществованию. Подобные ограничения вырастают из столкновения идентичностей, которые несут за собой крупный метанарратив – Исламская революция или сионизм.

Таким образом, оппозиционные модели не могут иллюстрировать региональную реальность как таковую. Но оппозиционность, которую мы выделяем на основе культурно-символической поляризации, постоянно держит современного человека в пределах раскачивающегося маятника. Те или иные действия в области политики или экономики, принятие определенных решений с целью получения экономической выгоды или политической стабильности внутри национального государства заставляют колебаться тот самый метамодернистский маятник. Ключевая проблема здесь – онтологическая безопасность региональных акторов. Наиболее яркий пример подрыва такого вида безопасности – демонизация Израиля в иранских СМИ. Исключительное употребление выражения «сионистский режим» (رژیم صهیونیستی, rezhim-e sahyonisti). В таком виде прослеживается глубинный слом при столкновении двух идентичностей, транслирующих определенные метанарративы и находящиеся в глубокой оппозиции к друг другу.

Подводя итоги, отметим, что моделирование региональной системы сводится к концептуализации теоретических понятий, культурно-символических структур и методологии, которые предоставят возможность признавать или отрицать интересубъективное пространство в очерченных исследователем рамках с опорой на официальную информацию, представленную в СМИ.

Библиографический список:

1. Бахтин М.М. Автор и герой: к философским основаниям гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
2. Буррио Н. Реляционная эстетика. Постпродукция. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 216 с.

3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. Гребенюк А.А. Культурно-исторический анализ переживаний человека эпохи метамодернизма [Электронный ресурс] // АНИ: педагогика и психология. 2019. №1 (26). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-istoricheskiy-analiz-perezhivaniy-cheloveka-epohi-metamodernizma> (Дата обращения: 15.01.2021).
5. Гусельцева М.С. Метамодернизм в психологии: новые методологические стратегии и изменения субъективности [Электронный ресурс] // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. 2018. №4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metamodernizm-v-psihologii-novye-metodologicheskie-strategii-i-izmeneniya-subektivnosti> (Дата обращения: 15.01.2021).
6. Деррида Ж. О грамматологии / пер. Н. Автономовой. М.: Ад Маргинем, 2000. 511 с.
7. Деррида Ж. Письмо к японскому другу (пер. А. Гараджи) // Вопр. философии. 1992. № 4. С. 53-57.
8. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2018. 480 с.
9. Лакан Ж. Тревога. Семинар, Книга 10 (1962-1963). М.: Гнозис, 2019. 432 с.
10. Лакан Ж. Стадия зеркала как образующая функцию я, какой она раскрывается в психоаналитическом опыте / пер. А. К. Черноглазова. М.: Логос, 1997.
11. Леви-Стросс К. Узнавать других. Антропология и проблемы современности / пер. Е.П. Чебучева. М.: «Текст», 2016. 160 с.
12. Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей [1988] / пер. А.В. Гараджи. М.: РГГУ, 2008.
13. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна М.: Институт экспериментальной социологии Спб.: Алетей, 1998. 160 с.
14. Лоренц К. Обратная сторона зеркала / пер. А.В. Гладкого. М.: Республика, 1998. 429 с.
15. Рикёр, П. Я - сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008 (французская философия XX века). 416 с.
16. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.
17. Сартр Ж.-П. Тошнота / пер. Ю.Я. Яхниной. Москва: Издательство «АСТ», 2018. 317 с.
18. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В. В. Бибихина. Харьков: «Фолио», 2003. 503 с.
19. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: Издательство АСТ, 2021. 224 с.
20. Эпштейн А. Израильяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно. М.: Институт Ближнего Востока, 2009. 270 с.
21. Adler-Nissen R., Tsinovoi A. International misrecognition: The politics of humour and national identity in Israel's public diplomacy // European Journal of International Relations. 2018. Vol. 25, № 1. P. 1-27.
22. Bartholomew R. Altermodern: A Conversation with Nicolas Bourriaud [Electronic resource] // Art in America. 2009. URL: <http://www.artinamericamagazine.com/news-features/interviews/altermodern-a-conversation-with-nicolas-bourri-aud/> (Access: 15.01.2021).
23. Bourriaud N. The Radicant. New York: Lukas & Steinberg, 2009.
24. Land N. A quick and dirty introduction to accelerationism [Electronic resource]. URL: <https://jacobitemag.com/2017/05/25/a-quick-and-dirty-introduction-to-accelerationism/> (Access: 15.01.2021).
25. Levinas E. Ethique et l'infini. Paris : Poshe Biblio, 1982.
26. Turner L. The Manifesto of metamodernism [Electronic resource]. URL: <http://www.metamodernism.org/> (Access: 15.01.2021).
27. Vermeulen T., van den Akker R. Notes on metamodernism // Journal of Aesthetics and Culture. 2010. Vol. 2. P. 1-14.
28. Vermeulen T., van den Akker R. Utopia, Sort of: A Case Study in Metamodernism // Studia Neophilologica. 2015. Vol. 87 (1). P. 55-67.
29. Vermeulen T. Interview in TANK Magazine. In the press, Theory [Electronic resource] / By Editorial, 2012. URL: <http://www.metamodernism.com/2012/02/23/tank-interviews-timotheus-vermeulen-about-metamodernism/>

Voloshchuk O.S. Cultural and symbolic grounds for the "Friend-Foe" polarization in the information space

The article examines the theoretical foundations of postmodernism and metamodernism, which are potentially applicable to political studies. The nature of the transition from one methodology to another is described. The author reveals the understanding of the structure and model of "Friends and Foes" in the framework of the formation of a potentially new methodology and its implementation for a specific case – the conflict-prone Middle East.

Keywords: postmodernism, metamodernism, subjectivity, intersubjectivity, Middle East